

3-409/38

К.

Рис. А. Каневского

ПЕРЕСТРАХОВЩИК

— Я к вам, Иван Петрович, за рекомендацией для вступления в партию. Четыре у меня уже имеются. Не хватает только одной — пятой. Знаете вы меня неплохо...

— Что ты, милый Вася?! Вот если бы тебе понадобилась восьмая или десятая рекомендация, тогда, милости просим, приходи. С удовольствием дам.

Воробей-девица

с к а з к а

Был один директор, который думал, что все ему шуточки. Вот раз у него машина стояла в ремонте, и он пошел домой пешком.

Вдруг видит: кошка поймала воробья и хочет его скушать. Что за безобразие! Взял директор камень да как саданет в кошку! Кошка тут же и околела. А воробушек, между прочим, не улетает — лежит искалеченный. Взял его директор в руки, пожалел:

— Ах ты бедный, несчастный воробушек!

И тут вдруг воробушек пропадает и вместо него появляется молодая девица неопишущей красоты и благодарит директора:

— Широкое вам русское мерси за ваше чуткое отношение к воробьям. Искренно вас благодарю, товариш Степа.

(Директора Степой звали.) Злой волшебник коварно превратил меня в свое время в воробья, за то что я отвергла его гнусную любовь. И вот вы сейчас как раз расколдовали меня...

А директор Степа моментально в нее врезался и говорит воспаленным голосом:

— Я в вас ужасно врезался. Айда за меня замуж!

Воробей-девица ему отвечает:

— Представьте себе, Степа, я сама от вас почти что без ума. Но, ах, я уже три тысячи лет замужем и как раз тот самый отталкивающий кудесник, который превратил меня в воробья, нагло заколдовал моего супруга в зубра. Вы, конечно, слышали про таких животных?

Степа про этих зубров хотя и не слышал, но соврал, что да, слышал: ему было неудобно перед красавицей за пробел в своем образовании.

А Воробей-девица продолжает:

— Исходя из вышесказанного, я не могу вам дать окончательный ответ, так как я женщина высоконравственная и забежать замуж на краткое время не согласна. Но, поскольку я кое-что соображаю по колдовской части, мне ничего не стоит в пять минут облететь весь земной шар и посмотреть, сохранился ли еще в целости мой несчастный супруг. Ибо в бытность мою еще во-

робьем, слышала я, пролетая мимо Академии наук, что зубры вымирают. Так что, может быть, я уже несколько тысяч лет вдова.

И действительно, не прошло и пяти минут, как красавица вновь появилась и, обнявши степину шею своими белыми руками, сладко молвила:

— Милый Степа, мой муж фактически вымер. Я твоя!

А надо вам сказать, что Степа был до глубины души женатый человек. Он был женат еще с фронта. И у него даже было двое детей. Поэтому они порешили, что он будет с ней жить не как с женой, а как с секретарем.

А Степа был директором на очень важном заводе, и туда принимали на работу с разбором. Пришлось красавице заполнять подробнейшую анкету. Она и заполнила:

1. Фамилия, имя отчество: *Воробей-девица.*
2. Основное занятие до революции: *Заколдованный воробей.*
3. Основное занятие после революции: *То же.*
4. Семейное положение: *Вдова.*
5. Сколько лет была замужем: *Около трех тысяч лет.*
6. Занятие мужа до революции: *Был зубром.*
7. Чем занимается теперь: *Вымер.*
8. Кто рекомендует для принятия на работу: *Директор тов. Степа.*

Приемом на работу ведал на степином заводе заместитель директора Афоня Дотошный. Он с каждым, кто поступал на работу, долго беседовал и все выпытывал, какой он, этот вновь поступающий, есть человек. Но у Афони был свой главный конек: таблица умножения. Если человек эту таблицу знал хорошо, то его принимали на работу и с одной рекомендацией.

А Воробей-девица чудно знала таблицу умножения. Ее ночью на интерес будили и спрашивали: сколько семью восемь? И она сразу отвечала, что не меньше пятидесяти. Вот Воробей-девицу и приняли на работу в качестве личного секретаря директора, и зажили они со Степой в таком счастье, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сразу экстренно прибежали подхалимы и начали для Степы и его секретарши устраивать детский крик на лужайке и всяческие пикники.

Вот как-то раз, на пикнике, Степа до того распарился от светских удовольствий, что ужасно захотел пить. А вино ему уже приелось. Ему захотелось водички. Тут, же, поблизости, протекала речка с очень милым омутом.

Ну, конечно, Степа подбежал к бережку, нагнулся к омуту и начал пить. Пил, пил, еле напился. Пол-омута выпил: до того вода была студеной и сладкой! Кон-

чил он пить, хочет подняться — не может. Что такое? Смотрит, а в его бороду щука вцепилась и тянет на дно.

Степа ужасно удивился:

— Щука, щука, что ты делаешь?

Щука отвечает:

— Будто не видишь. А еще партийный! Я тебя на дно тяну.

Степа говорит:

— Щука, щука, меня не надо тянуть на дно! Это бестактно. Ты меня домой отпусти.

Щука отвечает:

— Вот чудак, пристал! Не отпущу. Да ты не беспокойся, у нас там не очень сыро.

Степа прямо плачет:

— Отпусти меня, щука! У меня заседание через полчаса!

Щука отвечает:

— При одном условии.

Степа говорит:

— Говори немедленно условие.

Щука отвечает:

— Вот мое условие. Ты мне должен подарить то, что за твое отсутствие на заводе новое появилось.

Степа видит, делать нечего, и говорит:

— Ладно. Только это, скорей всего, какой-нибудь циркуляр будет, так как мне тебе его передать? Ведь бумага сразу отсыреет.

Щука отвечает:

— Это пара пустяков. Передашь Воробей-девице.

Степа поразился:

— Да ты откуда ее знаешь?

Щука отвечает:

— Как мне ее не знать, раз она моя жена?

Степа говорит:

— Тут что-то не то. У нее муж был зубром, и он давно вымер. А про щуку даже разговора не было.

Щука отвечает:

— Опять-таки ничего удивительного. Меня потом колдун с зубра на щуку переколдовал. А за то, что ты ко мне приставал со своими глупыми разговорами, я тебе выдвигаю дополнительные требования: прими меня на завод комендантом.

Степа удивляется:

— Как же это я щуку комендантом

поставлю? У меня щука штатами не предусмотрена. Разговоры пойдут всякие...

Щука отвечает:

— Поговорят да перестанут. А кроме того, если меня комендантом назначить, с меня сразу все колдовство спадёт и я снова человеком сделаюсь.

Степан говорит:

— Ну ладно, пес с тобой!

Сел он в машину и вернулся на завод. И сразу к нему приходит главный инженер и сообщает: так и так, прибыли очень важные новые чертежи, что прикажете делать?

Степа велел оставить у него, а сам потом горько расплакался. Ничего не поделаешь — уговор. Пришлось отдать их Воробей-девице. Воробей-девица копию сняла, а чертежи вернула.

Что касается щуки, то ее назначили, согласно уговору, комендантом.

Вот день проходит, два, три. Неделя прошла, месяц. Встречает директора Степу млад-юноша Вася и говорит:

— Что-то мне, товарищ Степа, Воробей-девица не нравится. Что-то она туда вникает, куда ей не полагается. От этого делу никакой пользы, кроме вреда, не может быть. А кроме того новый комен-

дант чего-то на щуку смахивает. Это — тоже не дело.

Тут директор Степа как стукнет кулаком по столу:

— Ты чего это, млад-юноша Вася, не в свое дело суешься?! Не тебе — млад-юноше — меня, стар-старика, директора, уму-разуму учить. Не мешай мне новый кадр бережно выращивать. И вообще ой ты гой еси, млад-Васенька, увольняю я тебя с завода за склоку и подрыв!

И он тут же вызвал Воробей-девицу и продиктовал приказ.

А млад-Вася дело так не оставил, побежал куда надо, и оттуда послали на степин завод комиссию.

Директор говорит Воробей-девице:

— Ляг, милая, брюшком, приложись ушком. Скажи, что слышишь.

Воробей-девица отвечает:

— Ой, худо слышу. Беда идет. Комиссия едет!

Степа за голову схватился:

— Пропал, чисто пропал!

Воробей-девица отвечает:

— Придется удирать.

Обернула она Степу в ворону, а себя в воробья и вылетели через окошко.

А чертежи под крылышком держат. Тут же, рядом с ними, комар летит. Открыл было ворона-Степа клюв, хотел комарика проглотить, чтобы на дорогу подкрепиться, а Воробей-девица как клонет его самого:

— Ты что же, сукин сын, коменданта своего не узнал?!

Долго ли, коротко ли они летели. Долетели до самой границы и присели отдохнуть на елочке.

Воробей-девица говорит:

— Ну вот мы уже почти прилетели. Вот отдохнем на елочке и перелетим границу.

Тут вдруг елка говорит человеческим голосом:

— Ну зачем вам, граждане, за границу, давайте лучше к нам на заставу.

Воробей-девица тут же в обморок упала, комар сказал, что тут явное недоразумение, а Степа начал рассказывать про свои заслуги. Но пограничник (это он елкой замаскировался) сказал:

— Ладно, на заставе разберемся!

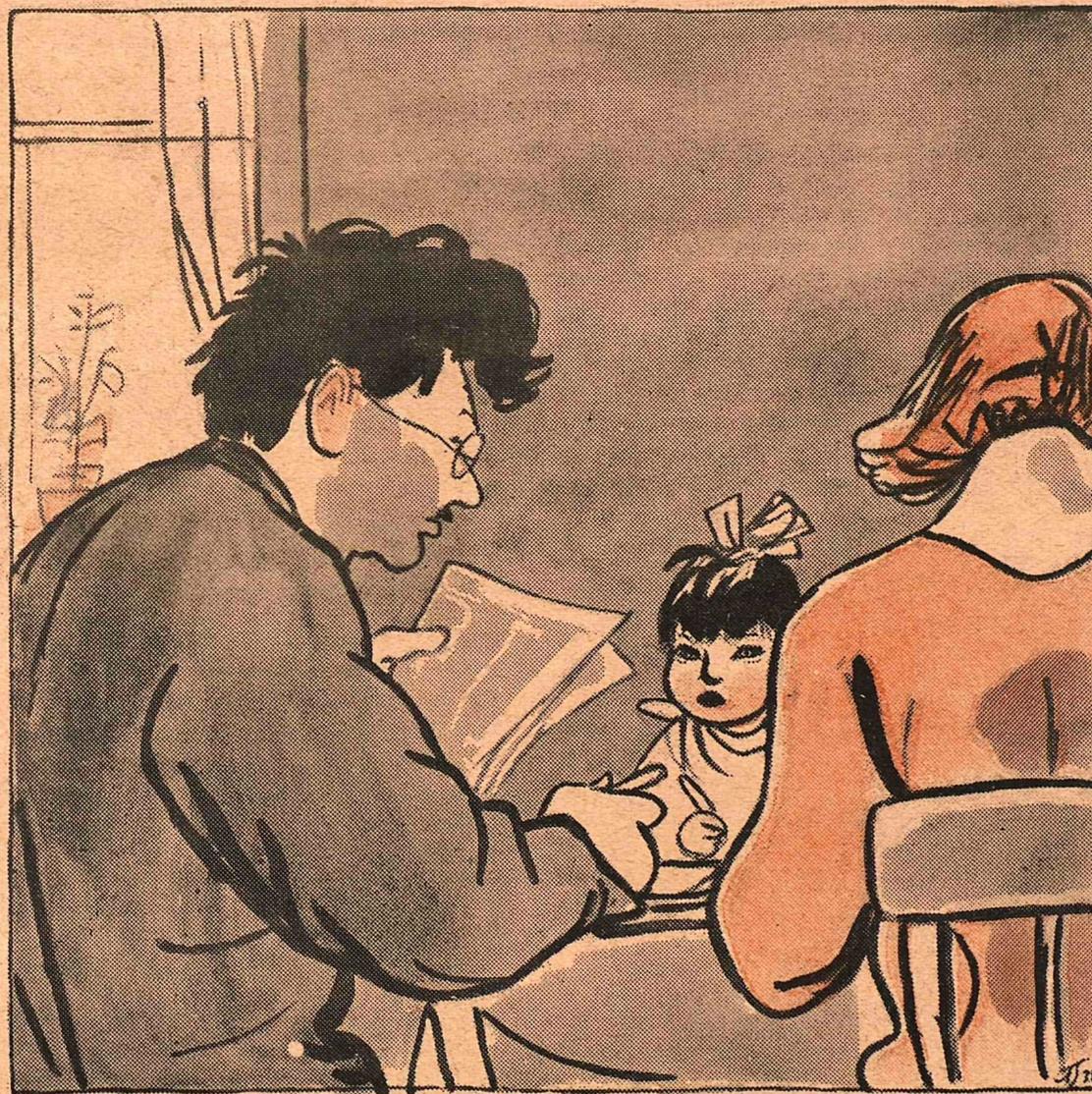
Вот какие бывают Воробей-девицы.

Сказка вся.

Л. ЛАГИН

П Р И Я Т Н Ы Й С Ю Р П Р И З

Рис. Л. Генча

— Представь себе, открываю сегодня случайно ящик, где лежат апелляции исключенных из партии и...

— Неужели разобрал их?

— Да нет, нашел свою вечную ручку, которую искал пять месяцев.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ТИП

На вечеринке этот человек производил унылое впечатление. Говорил он подчеркнуто громко, наставительно.

— Мне очень нравятся ваши пальцы, — сказал он соседке.

А когда соседка улыбнулась, строго добавил:

— Не столько самые пальцы, хотя и пальцы — важная часть человеческого тела. Пальцами можно, скажем, стирать белье, можно играть на скрипке. Но главное — маникюр. Чудесный маникюр! Одно время был предрассудок, что маникюр для пролетария — неуместное украшение. Но теперь разрешено. Маникюр заставляют делать и на конфетных фабриках и даже врачам-хирургам. Маникюр, можно сказать, не менее почетен чем мозоли.

— Кто это? — спросили на другом конце стола.

— О, это, брат, тип! У нас в учреждении работает. Польшников по фамилии. Ужасный тип! Года два назад он напал на наших сотрудниц, что они приходят на работу надушенными. Это, говорит, мерзостный предрассудок! Для пролетария можно, говорит, употреблять только одеколон с водой и лишь во время бритья. А так как вы не бреетесь... Словом, заел сотрудниц. А потом к нам назначили директором женщину. Приходила она на службу акуратная,

подтянутая и даже чуть-чуть надушенная. Ну, тогда и Польшников переменил свое мнение. Вообще ужасный тип!

В разгаре вечеринки Польшников подошел к одному из сослуживцев и, коснувшись кончика маленького батистового платочка, который выглядывал из пиджачного кармана, строго сказал:

— Ты что это, Николай? Зачем этот подарок у тебя? Сморгаться в него нельзя, зачем ты его носишь?

— Просто для украшения.

— Для украшения?! Ты еще бы в ноздрю кольцо продел!

— Ты вот это иди товарищу Сухожилову скажи.

— А что? Разве и у него такой же?

— Точка в точку. В одном магазине покупали.

— Да, — забормотал Польшников, — если и товарищ Сухожилов...

И заговорил наставительно:

— Ясно, конечно... Кармашек же есть. Часов в нем не носят. Стало быть, можно и платочек в него сунуть. Отчего же! Это и красиво и изящно, и вообще это предрассудок, что это предрассудок.

СПОКОЙСТВИЕ

— Я, брат, за славой не гонюсь, — говаривал не раз этот художник. А. Б., — мне, брат, важнее всего душевное спокойствие.

Заметив на лице собеседника недоумение, добавлял:

— Я потому и картин выставочных не пишу. Слов нет, приятно: картина, рама, в правом нижнем уголке подпись полняком — Иван Иванович Иванов...

А. Б., потеряв подбородок, хихикнул:

— А потом как возьмут в газетах и журналах этого Ивана Ивановича в работу. И то неладно, и это не так. Не-ет, я за славой не гонюсь. Рисую себе афишки, плакатики. Деньги еще вернее и неменьшие, а у критиков до нас руки не доходят... Вон как раз мое объявление висит о начале плавательных состязаний.

Они подошли к угловому щиту с афишами. Зрители рассматривали объявление и открыто возмущались:

— Полная неграмотность! Кто это малевал? Фигуры скособочил! Перспектива нарушена!

— А вода какого цвета?.. Наверное, этот маляриска никогда и воды не видал. Да уж, как говорится, не Репин!

— Какой там Репин?! А. Б. какой-то.

— Увидать бы этого А. Б., да сказать: «Учись, учись, прежде чем такую пачкотню на углах развешивать!»

А. Б. потащил собеседника своего в сторону и зашептал:

— Ну, я за славой не гонюсь, — я теперь только одно «А» буду подписывать.

В. ТОБОЛЯКОВ

Особый подход

«Оркестр» шашлычной — пианист и скрипач — из-за чего-то повздорил и с прошлого вечера не разговаривал. Однако за столиками уже сидели посетители, время было вечернее, и следовало приступать к работе. Пианист взял несколько сердитых аккордов. Скрипач поднял смычок, прислушался и обиженно заиграл вместе с пианистом румбу.

Сразу в дымном и тесном ресторанчике стало шумно, как в трамвае, под которым скрежещут и визжат колеса.

За столиками начали громко переговариваться.

В углу, наливая в стопки водку из пузатого графинчика, полный гражданин в свитере под пиджаком самодовольно говорил другому, морщинистому, как скорлупа грецкого ореха, с запавшим, старческим ртом:

— Главное, себя зарекомендовать, Дмитрий Сергеевич. Главное — это, конечно, простота и общительность, Дмитрий Сергеевич. Домохозяйки, Дмитрий Сергеевич, недолюбливают жильцов угрюмых и сосредоточенных. Мною, Дмитрий Сергеевич, это отлично учтено. К домохозяйкам особый подход нужен. Я улыбаюсь, я приветлив, шутлив даже, чорт побери. «Ну как она, жизнь молодая?» — спрашиваю я при встрече пожилую Агафью Петровну. Она, конечно, улыбнется: дескать, вторая уже молодость. А я в точности знаю, что она сейчас думает обо мне: «Душевный человек», — вот что она обо мне думает. И это очень важно. С Ниной Ивановой тоже пошутишь, перекинешься словечком. С этой о стенгазете надо говорить: она в редколлегии... С Бертой Осиповной я стараюсь перекинуться парочкой слов на музыкальную тему. Все ж таки муж у нее в консерватории администратором... Как видите, Дмитрий Сергеевич, подход у меня особый. И пусть это называется мимикрией, приспособлением, но интересы дела, Дмитрий Сергеевич, к которому мы призв...

— Потихе вы! — прервал его другой с запавшим ртом и опасливо оглянувшись по сторонам.

«Оркестр» доиграл уже румбу. Скрипач и пианист сидели теперь отвернувшись друг от друга.

За столиками продолжались громкие, суматошные разговоры.

— Нас не слышат, — успокоительно сказал полный, но при этом тоже оглянувшись. — Я только хотел заметить, Дмитрий Сергеевич, что благодаря вот этому особому подходу мне удается...

— Ладно, ладно, расплатились и пошли, — скомандовал старик.

Они вышли из прокисшего от лука, водки и баранины ресторанчика и исчезли в полумраке зимнего пушистого вечера...

В полночь полный гражданин поднимался по лестнице к себе в квартиру. На верхней площадке он увидел Берту Осиповну, Агафью Петровну и Нину Ивановну.

— Привет кулинарному конгрессу, — молвил он, приятно улыбаясь, — на повестке дня пленарное обсуждение предстоящего завтрака или обеда?

— Но почему же мы должны толковать только о завтраке и обеде? — возразила Берта Осиповна.

— Да, да, виноват, — заулыбался полный гражданин. — Кроме завтрака и обеда надо также поговорить и об ужине, не правда ли?

— Ошибаетесь, — возразила пожилая Агафья Петровна. — Мы только что пришли из кино...

— Тем более можно приветствовать, — продолжал полный, открывая дверь английским ключом.

«Как мило и непринужденно я умею с ними поговорить, — умилился он, закрывая дверь. — Вот это и есть настоящий подход!»

...Когда расходились, Агафья Петровна заметила:

— Не нравится мне этот человек. Мне кажется, он маскируется.

— А мы с него маску сорвем! — решительно сказала Нина Ивановна. — Не подавайте только виду. К нему нужен особый подход!..

Л. МИТНИЦКИЙ

МАЛЕНЬКОЕ ПРОРОЧЕСТВО

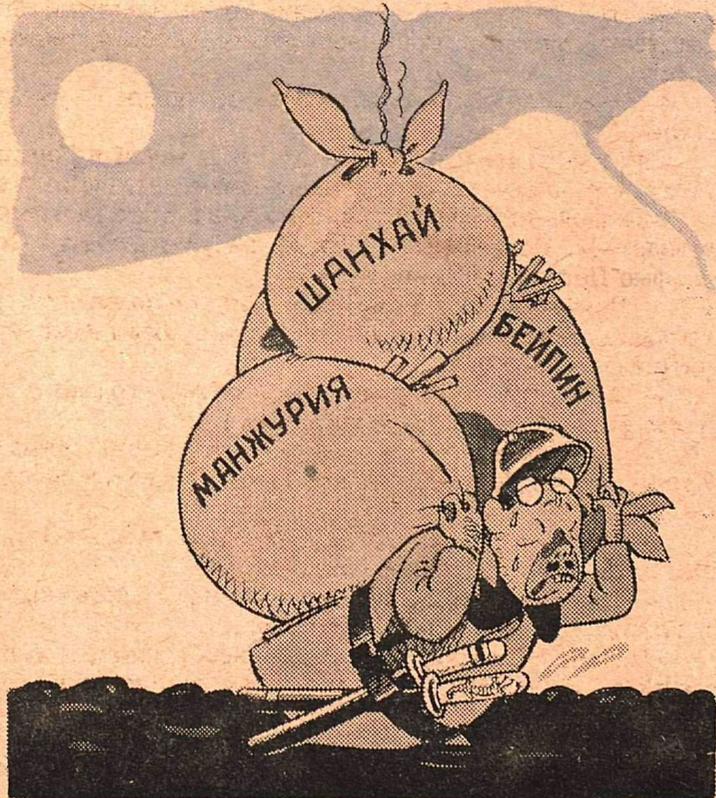
Рис. Ю. Ганфа

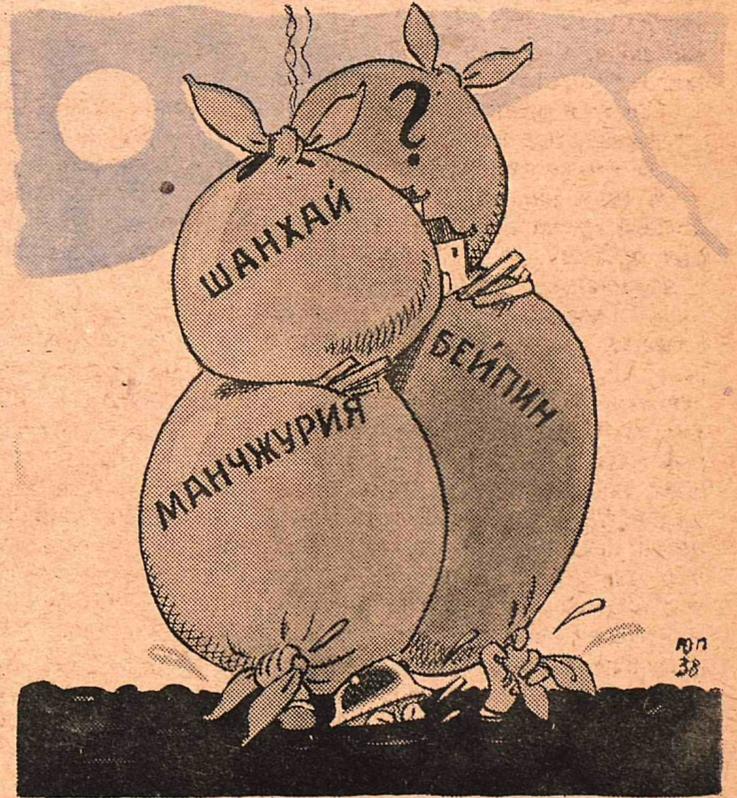
Позавчера...

Вчера...

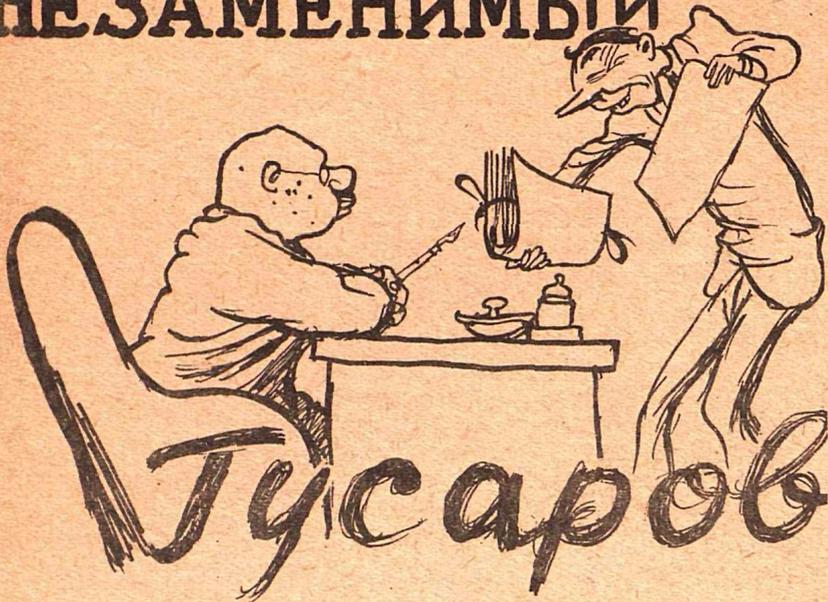

Сегодня...

Завтра...

НЕЗАМЕНИМЫЙ

— Гусаров, вставай. Поздно, Гусаров. Вставай!

— Не хочется, — ответил сонно Гусаров и перевернулся на другой бок.

Жена не отставала. Она знала, что если вовремя не разбудить мужа, он будет потом злиться и скандалить.

— Сейчас машина приедет, Гусаров. Чай остынет. Вставай, Гусаров.

Она всегда мужа подчеркнуто называла по фамилии. Раньше он видел в этом особое уважение к своей личности. Но сейчас-то... После всего того, что произошло... Ах, да, она еще не знает.

— Гусаров! Ну, ей-богу же, вставай. Пончики остынут.

— Чорт с ними, пусть стынут. Ты мне надоела со своими пончиками. И оставь меня в покое!

— Что это за тон! — обозлилась жена. — Я бужу его, бужу. Очень интересно мне его бужить, — оговорила она.

Это ее еще больше обозлило, и она произнесла полный гнева монолог, который начинался словами:

— Другая бы на моем месте... Ну, Гусаров, вставай, или я не знаю что, — закончила она решительно.

— «Мне некуда больше спешить», — ответил муж нараспев.

— То есть, как это тебе больше некуда спешить? Ты с ума сошел!

— А так, что некуда. Меня со службы уволили, — произнес он просто и зевнул.

— Я тебя не понимаю, как ты можешь об этом говорить спокойно. Если шутишь, то это неостроумно.

— Какие там, к чорту, шутки! Меня уже три дня как уволили. Но я это скрывал. Не хотелось тебя огорчать.

— Кто ж тебя мог уволить? Ведь Алексей Павлович только на той пятнадцатке у нас обедал. Ведь от него все зависит!.. Ведь он тебя недавно премировал!

— Ведь, ведь, ведь... — передразнил Гусаров супругу. — Твоего Алексея Павловича самого уволили, — сказал он со злорадством и попросил жену оставить его в покое.

Она ушла, хлопнув дверью.

«Вот и хорошо, — подумал Гусаров. — Можно остаться наедине с собой и, наконец, собраться с мыслями».

Он уже несколько дней собирался проделать этот эксперимент, но мыслей явно не хватало. До сих пор никак не мог осмыслить, что произошло с ним... И все этот Алексей Павлович. Он казался ему крепостью, вековым дубом, в тени которого можно было жить и жить.

«И такой дуб рухнул!» — он никак этого не ожидал.

«Ведь от Алексея Павловича все зависит», — вспомнил он слова жены. «Я тоже так полагал, но оказалось совсем не так. Вот где ошибка. Вот где роковая ошибка! Я служил Алексею Павловичу, а надо было служить советской власти. И все было бы иначе. Скромно и честно служить... А вы думаете, легко было служить Алексею Павловичу? — размышлял Гусаров, словно перед кем-то отчитывался. — Адская служба! Собачья служба! Этот Алексей Павлович в любой час ночи поднимал тебя, гонял тебя, ругал: Гусаров сюда, Гусаров туда. И все время приходилось улыбаться. «Я не переношу кислых мин. Больше оптимизма!» — вспомнил он любимое выраженьице Алексея Павловича и горько улыбнулся. — Ах, будь ты проклят!..»

Посетители злились. Они никогда не могли добиться Гусарова. А чем был занят Гусаров? Он обслуживал Алексея Павловича. Надо было строить дачу Алексею Павловичу. Пищать ему докладные записки. Устраивать его первую жену на работу. Алексей Павлович — не такой человек, и если он развелся, то не значит: иди на все четыре стороны. Нет. Он все меры принял к тому, чтобы обеспечить свою первую жену. Правда, он сам для этого пальцем о палец не ударил и ни одной копейки из своего кармана не потратил. На то есть государство! Но кто это все провернул? Гусаров. Так было и со второй женой Алексея Павловича.

— Ха-ха, — отрывисто засмеялся Гусаров и продолжал дальше анализировать свой печально пройденный путь.

Ничего хорошего на этом пути не лежало... Не было ни одного спокойного дня. В отпуск приходилось ездить в Цхалтубо или в Ессентуки, и только потому, что Алексей Павлович страдал подагрой и желудком...

«Но ведь у меня-то желудок в порядке! Но ведь у меня-то нет подагры! Все равно — езжай в эти туманные Ессентуки. Живи там, скучай и пей водку. Зато рядом с Алексей Павловичем... А эта водка...»

— Я не перевариваю спиртных напитков, — сказал громко Гусаров. — Я люблю молоко. А пришлось приучиться к коньяку и к водке. Бр!.. Меня всегда тшшило. Но и вида нельзя было показывать. Какой же ты работник, если не умеешь пить! И приходилось пить. Ох, много приходилось пить!.. И зачем я это делал? Зачем я пил? Ай, ай, ай, совсем не так надо было жить, совсем не так... А все это происходило, потому, что я боялся неприятностей по службе, как бы меня не уволили. — Ха, ха! — вновь засмеялся Гусаров. — Вот тебя и не уволили!..

«А как бы могло быть хорошо, если бы я... Что если бы я? Договаривай, Гусаров, все до конца. Называй вещи своими именами... Как бы было хорошо, если бы я не угождал Алексею Павловичу, а скромно и честно служил не ему, а советской власти. Боже мой, как бы мне было хорошо, — произнес он сладко. — И не приходилось бы выслушивать недовольство со стороны посетителей. И не приходилось бы все время кричать: «Ах, ах, я занят! Не могу! Спешу! Алексей Павлович зовет!..» Не приходилось бы играть глупой комедии... Но поздно, поздно, Гусаров. Ты был незаменимым работником для этого проходимца Алексея Павловича, но больше ни для кого. Ты, Гусаров... Не бойся называть вещи своими именами. Взгляни правде в лицо. Ты был раб Алексея Павловича».

— Раб, раб, раб! — повторил он громко и беспощадно. И в третий раз засмеялся.

Н. КОРОБКОВ

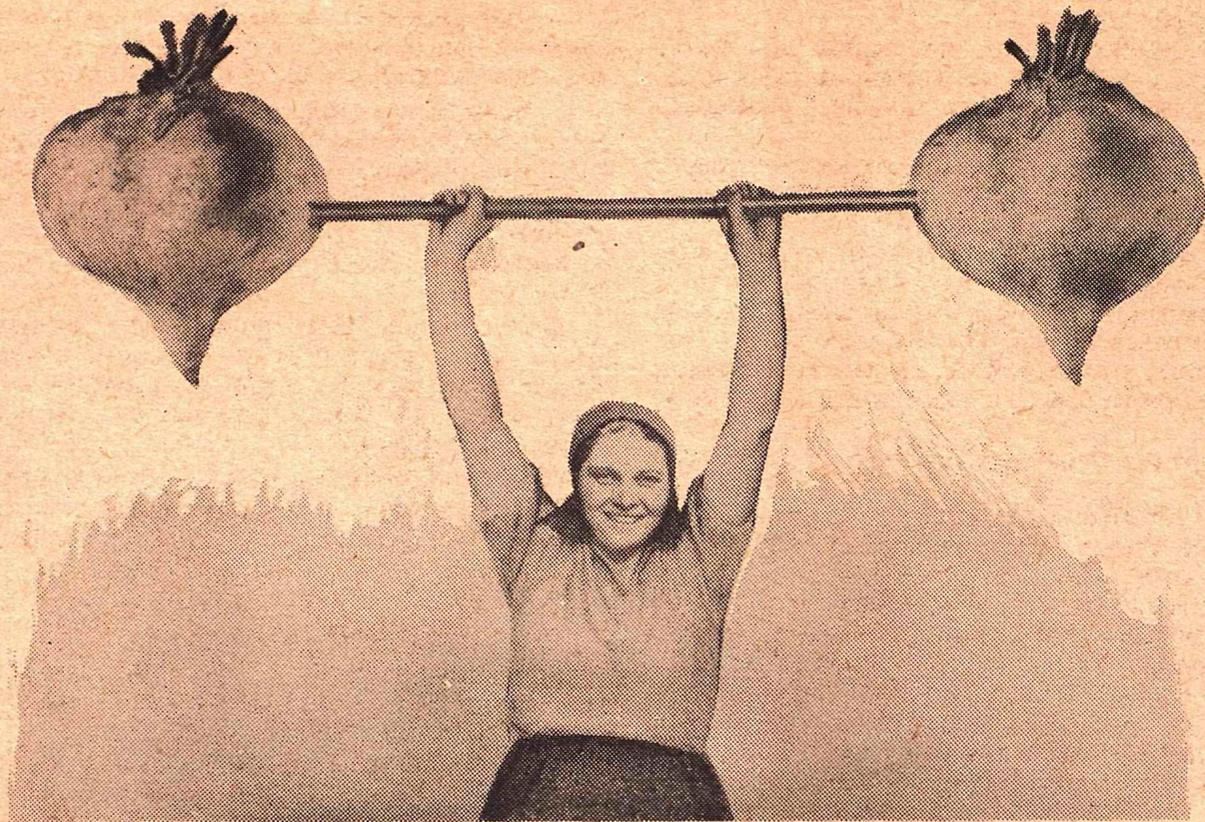

1878 год

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ Н. А. НЕКРАСОВ

1938 год

Тяжелоатлетка школы Марии Демченко.

Твердо, со всей ответственностью

В кабинет вошла секретарша и сказала:

— Петр Петрович, вас спрашивают два товарища из Центросбыта.

С трудом оторвавшись от захватывающей хроники с новыми назначениями, Петр Петрович аккуратно сложил газету и с недовольной примаской на толстом лице спросил:

— По какому вопросу?

— Не говорят, — таинственно понизила голос секретарша, — хотят потолковать лично с вами.

— Пусть войдут потолковать, — совсем уж кисло сказал Петр Петрович.

Товарищи из Центросбыта оказались молодыми, лишенными особых примет людьми, в почти одинаковых пальто с воротниками из меха настоящей кошки.

— Хотькович, председатель месткома, — представился первый.

— Ласкин, член парткома, — сказал второй.

Они уселись, дав этим Петру Петровичу понять, что разговор предстоит длинный, и Хотькович, председатель месткома, сказал:

— Мы к вам вот по какому делу. У вас долгое время работал некто Пыреев Иван Иванович, который потом перешел к нам, в Центросбыт.

— Мы хотим узнать ваше мнение о Пырееве, — подхватил Ласкин, член парткома.

Петр Петрович почувствовал тревожное сосание под ложечкой. Вопрос был неприятный. Пыреева Петр Петрович не видел два месяца и ничего о нем не слышал. Где он? Что с ним?

Петр Петрович внимательно посмотрел на лица гостей из Центросбыта — они были холодно непроницаемы.

Мозг нашего героя заработал с лихорадочной, пожарной быстротой.

«Уж раз они сами явились, — думал он, — и сидят с каменными мордами, — значит, плохие дела у Пыреева».

— Видите ли, — сказал Петр Петрович, грациозно поиграв

карандашиком, — вообще я не очень хорошо знаю Пыреева. Мы с ним не встречались в интимной обстановке, и дружеских связей у меня с ним не было. Да, связей не было, это я говорю твердо и со всей ответственностью. Но по деловой линии я его знал. Постольку-поскольку, конечно. Что же вам о нем сказать? Работник он был ничего, исполнительный, но (Петр Петрович оглянулся и сказал тихо) у меня лично никогда не было полного доверия к Пырееву. Что-то такое в нем было, в Пырееве! Какая-то такая червоточинка неощутимая! (Петр Петрович пощелкал пальцами). Какой-то такой духовный прыщичек, который впоследствии, конечно, мог превратиться в серьезный абсцесс!

Петр Петрович сделал паузу и закрутился:

— Да и работник Пыреев был, собственно, неважный. Его исполнительность мне лично всегда казалась подозрительной, в свете — вы понимаете — его прыщичка духовного. Да, подозрительной. Заявляю это твердо и со всей ответственностью!

— А нам казалось, что Пыреев у вас неплохо работал, — сказал Хотькович, председатель месткома.

Петр Петрович уронил карандашик на стол и опять внимательно поглядел на лица гостей из Центросбыта. Тревожное сосание под ложечкой усилилось.

«Эге, — подумал он, — я, кажется, дал маху. Месткомщик определенно кривит морду. Дела у Пыреева не плохие, а хорошие. Вот, черт возьми, трудное положение!»

— Видите ли, — сказал Петр Петрович, — чужая душа, чужая душа, как говорится, — потемки. И вообще мои ощущения крайне субъективны. Если же судить со стороны, с точки зрения объективных показателей, то, конечно, Пыреев был хорошим работником... Заявляю это твердо и со всей ответственностью. Что же касается прыщичка его духовного, то ведь тоже все зависит от того, как смотреть на прыщички, т. е. на вещи, я хотел сказать. Пыреев всегда болел душой, когда видел наши недостатки. Охотно допускаю мысль, что его прыщичек ведет свое начало отсюда, от этой благородной душев-

ной боли. А боль эта благородная у него была! Заявляю это твердо и со всей ответственностью. Мы, бывало, закатимся с ним под выходной рыбу ловить, а он...

— Позвольте, — удивился Ласкин, член парткома, — вы же сказали, что не имели с Пыревым дружеских связей и в интимной обстановке с ним не встречались, а теперь, оказывается, рыбу ловить с ним ездили. На всю ночь!

«Влип! — подумал Петр Петрович, обливаясь противным, липким потом. — Плохие дела у Пырева. Поймали они меня. Вот навязался Пырев, сволочь, на мою голову!»

— Во-первых, — сухо сказал Петр Петрович, приходя в себя, — я ездил с ним ловить рыбу один раз, а во-вторых, я тогда вернулся через час, потому что у меня заболел живот. Заявляю это твердо и со всей ответственностью. Понятно, что за этот час я не мог установить, откуда идет прыщичек его духовный: от благородной боли при виде наших недостатков или откуда-нибудь еще!

Петр Петрович раздраженно гмыкнул, пожал плечами и снова закрутился:

— К тому же он молчалив от природы, а я из-за большого живота тогда больше стонал, чем разговаривал. Да, стонал. Заявляю это твердо и со всей ответственностью. И вообще знаете, кто такой для меня ваш Пырев? Человек-загадка — вот кто. Мне лично он был всегда абсолютно непонятен. Убейте меня, а я ничего определенного сказать о Пыреве не могу! Это какой-то такой сфинкс! Заявляю это твердо и со всей ответственностью.

— Ну, мы видим, что вы нам ничем не можете помочь, — вставая с кресла, прервал Петра Петровича Хотькович, председатель месткома.

— Одну минуточку... — сказал Петр Петрович, у которого глаза от любопытства стали тупыми и круглыми, как у совы. — А что с ним... вообще стряслось... с этим вашим Пыревым?

— Он умер.

— Как умер?

— Так. Вчера. От воспаления легких. Мы думали, что вы поможете нам написать некролог о нем для наркоматской газеты. Нам сказали, что вы его хорошо знаете.

— Боже мой! — искренно обрадовался Петр Петрович. — Да я с превеликим удовольствием отдам, так сказать, последний долг дорогому Ивану Ивановичу. Почему вы раньше мне не сказали, что он умер? Где он, этот некролог? Давайте сюда вашу наметку.

Хотькович нехотя подал Петру Петровичу исписанную бумажку.

— «Покойный был прекрасным, отзывчивым товарищем», — скороговоркой вслух читал Петр Петрович. — Так. Хорошо. «Отличался большим трудолюбием и преданностью». Опять хорошо! «Прощай, наш товарищ, ты честно прошел...» Прекрасный некролог! О себе самом лучше не напишешь! Давайте я его сейчас подмахну, и дело в шляпе!

Петр Петрович уже обмакнул перо в чернильницу, как вдруг Ласкин, член парткома, взял у него со стола некролог о Пыреве и молча положил себе в карман.

— Позвольте, — обиженно заметил Петр Петрович, — я же еще не подписал ваше произведение!

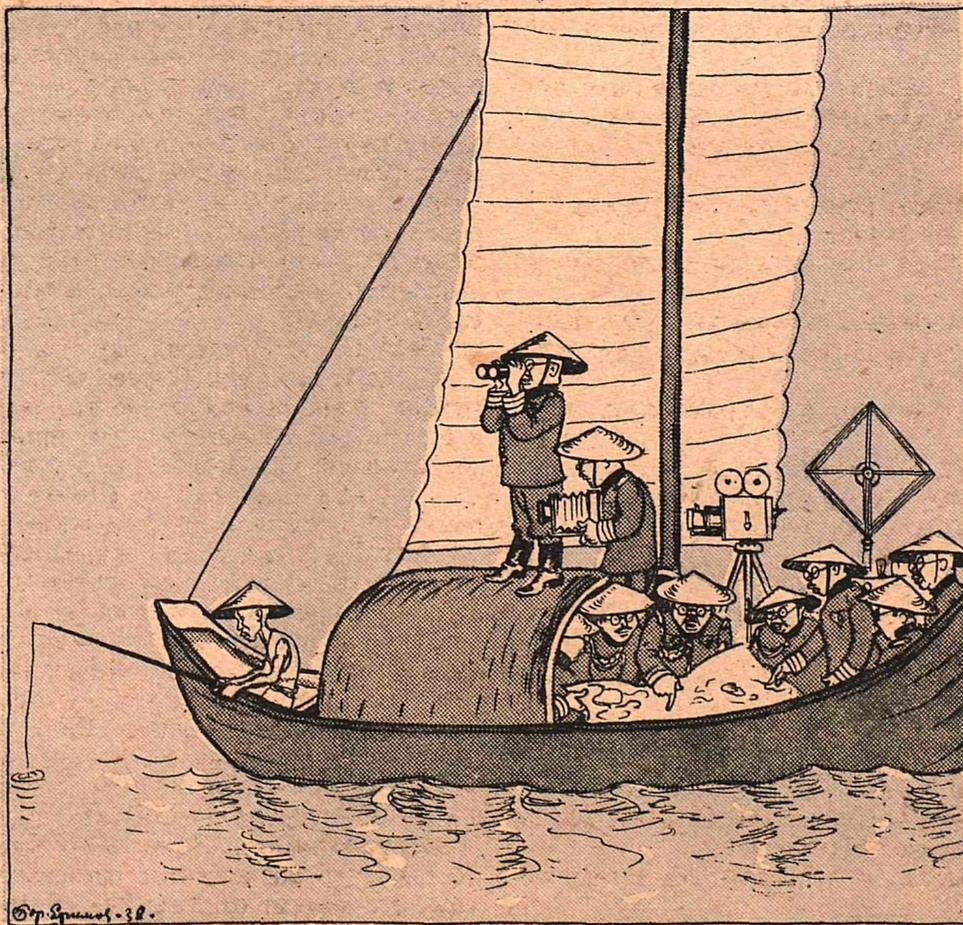
— Не будем оскорблять покойника подписью этого гражданина, — сказал Ласкин, обращаясь к своему спутнику. — Пошли, товарищ Хотькович.

Гости из Центросбыта вышли. Некоторое время Петр Петрович сидел с раскрытым ртом, с недоумением глядя на дверь, за которой скрылись Ласкин и Хотькович, потом пришел в себя, осторожно сомкнул челюсти и снова взялся за газету.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЧТО ИЩЕТ ОН В КРАЮ ДАЛЕКОМ...

Рис. Бор. Ефимова

— Нет, лейтенант, вы еще молодой рыбак. А я по окончании Военной академии уже 15 лет занимаюсь рыболовством...

ВОСКРЕСЕНИЕ УСЛОВНОГО РЕФЛЕКСА

Рис. В. Горяева

СТАРУШКА: — Давненько я уже в очередях не была. А тут за каким-то маникюром стоят. Встану и я. Может быть, пригодится для хозяйства.

„ЗАКОННИКИ“

Дело об алиментах было назначено в народном суде Трубетчинского района на один из ближайших дней. Тимофей Мокроусов, пожилой крестьянин-единоличник, ходил по селу Екатериновке в своем обычно-пьяном естестве, но вид при этом имел какой-то новый, победоносный и значительный.

— Во! — говорил он, тыча в нос каждому встречному колхознику смятую судебную повестку. — Элементы! Послезавтра судиться будем!

Колхозники провожали его хмурыми, удивленными взглядами. Чего он, собственно, радуется, этот вредный старый хрыч, пьяница и самогонщик? Только круглый идиот мог сомневаться в приговоре суда по этому делу. Все село знало, что у Тимофея Мокроусова был сынишка-подросток Васек, что отец и мачиха — такая же беспробудная пьяница, как и ее дрожайший супруг, — зверски избивали мальчика, морили его голодом и заставляли ходить по соседним колхозам — собирать милостыню. В селе было известно и другое: несколько месяцев назад, не выдержав побоев и лишений, Васек бросил отцовский дом и уехал в город Сталино, к старшему брату.

— Радуйся, чортова перечница, радуйся! — говорили соседи вслед Тимофею Мокроусову. — Отольются тебе васькины слезы, вот заставят алименты платить — тогда узнаешь!

Наступил день суда. Тимофей Мокроусов уехал в районный центр рано утром и вернулся домой только к вечеру еще более пьяный и торжествующий.

— Во! — говорил он, тыча каждому встречному и поперечному копию приговора. — Вот они, элементы мои по гроб жизни!

Заранее предвкушая публичное посрамление Мокроусова и удивляясь безмятежной дурости его, сосед-колхозник брал в руки решение нарсуда. Но теперь уже Тимофей Мокроусов наслаждался тем промовым и неожиданным эффектом, который сопутствовал чтению приговора:

«Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... народный суд Трубетчинского района, Рязанской области, в составе: председательствующего нарсудьи Фролова и народных заседателей Воинова и Кудрявцева... Рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2150 по иску Мокроусова Тимофея Денисовича... нашел...»

Говоря обыкновенным, неюридическим языком, суд нашел, что злополучный Васек Мокроусов, ныне работающий на шахте в городе Сталино и получающий 98 рублей в месяц, должен платить «алименты» своему достойному папаше, дондеже сей веселый мужчина не преставится на тот свет. А чтоб в другой раз несовершеннолетнему «алиментщику» было неповадно уклоняться от своего сыновнего долга, взыскать с него еще 5 рублей судебных издержек.

— Ага! — говорил Тимофей Мокроусов. — Правильный у нас судья, золотой судья! Я за этого судью денно и нощно бога молить буду!

Мокроусовские молитвы хорошо помогли судье Фролову. Вскоре же за связь с вратами народа он был исключен из партии. А Васек подал жалобу прокурору и ходил унылый и подавленный.

Товарищи провожали его удивленными взглядами. Чего он, собственно, киснет, этот паренек? Только круглый идиот мог сомневаться в решении прокурора. Разве позволит прокурор кому бы то ни было издеваться над замечательным советским законом и выворачивать его наизнанку, наперекор здравому смыслу и справедливости?!

Прошло некоторое время. Однажды Васек ушел куда-то после работы и вернулся домой поздно вечером еще более унылый и расстроенный.

— Вот, — сказал он, доставая из кармана бумажку со штампом. — Прокурор ответ прислал.

Прокурор Лебединского района Мозгалева сухо уведомила, что жалоба Василия Мокроусова отклонена и решение нарсуда по делу № 2150 следует считать вполне законным и правильным.

— Ага! — сказал старик Мокроусов, узнав о судьбе жалобы. — Вот это — да! Орел — прокурорша! До скончания века буду за нее бога молить!

Надо полагать, мокроусовские молитвы помогут и прокурору Мозгалевой. Примерно так же, как помогли они судье Фролову.

МИХ. ЛЬВОВ

В НЕКОЕМ ОБЛЗУ

Начальник областного земельного управления строго посмотрел на консультанта и сказал:

— Сколько же, в конце концов, мы отремонтировали тракторов? — Но ведь вы сами только что подписали сводку для центра, Никодим Никодимович, — почтительно заметил консультант.

— Для центра, для центра! — рассердился начальник областного земельного управления. — Мне-то хоть не втирайте очки вашими сводками, уважаемый товарищ!

ВЫШЕСТОЯЩИЙ ГОСТЬ. — Молодец девочка! Папу ты хорошо нарисовала... А теперь нарисуй меня.
ОТЕЦ. — Что вы, Семен Семенович, она еще не умеет так красиво рисовать!

Как надо (а может быть, не надо) писать пособия и популярную техническую литературу? Этот вопрос получает все большее значение ввиду того, что все больше выходит у нас пособий и популярных технических книг.

Изучая вышедшую литературу, мы установили, что популярные пособия бывают трех родов. Приводим здесь образцы этих трех родов.

1. ПРОСТО ПОСОБИЕ

Просто пособие принято писать языком, который мы не можем назвать суконным, так как сукно — недостаточно шершавая для этого вещь. Просто пособия пишутся скорее наждачным языком. И сопровождаются они чертежами, по сложности своей оставляющими далеко позади иллюстрации к начертательной геометрии, к теории относительности и к полному курсу дирижаблестроения. Словом, просто пособие выглядит так:

«КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СПИЧКАМИ» (краткое руководство)

Написано авторской бригадой в составе тт. Зипунова К. С., Илюхина А. Н., Тельного П. П., Ляуфера Я. С., Крохи А. Н., Сливаковой Л. Н. и Фигашман К. Р. Под редакцией А. С. Пузырева.

Научная мысль современного человечества остановилась на спичке как на наиболее совершенном орудии для воз-

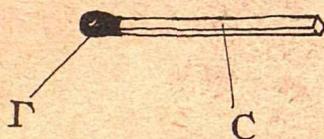

Рис. 1. Спичка как таковая.
Г — головка; С — соломка.

жигания огня, без которого за последние 20—30 тысяч лет трудно помыслить себе домашний очаг, точку общественного питания, производственное предприятие или вечеринку, поскольку как первый, так и вторая не менее чем третьи или четвертая нуждаются в огне. Последний же наиболее рационально извлекается именно при помощи спички,

Рис. 2. Коробка (коробок) спичек
Т — грань коробки (коробка), предназначенная для трения.

причем доступность последней и делает ее основным источником добывания первого, который в начале этой фразы был назван последним.

Современная спичка (см. рис. 1) состоит из деревянной соломки и головки, наляпанной на соломку и в свою очередь состоящей из бертолетовой соли,

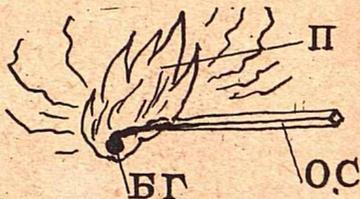

Рис. 3. Спичка горящая.
БГ — бывшая головка; ОС — остаток соломки; П — пламя.

хромпика, перекиси марганца, серы, умбры и пр. Что же касается фосфора, то последний за последние 70 лет перестал входить в состав спичечной массы, уйдя из последней на поверхность для трения, причем последняя помещается на боковой грани коробки (коробка). А в последней (в последнем) хранятся спички (см. рис. 2).

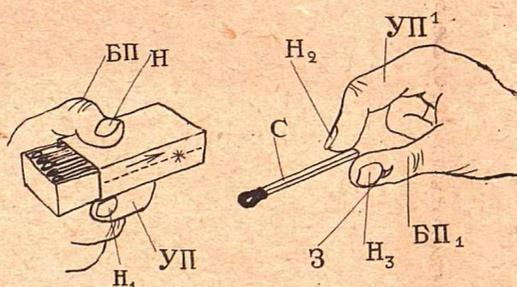

Рис. 4. Момент зажигания спички.
С — спичка. Пунктиром отмечена линия трения; звездочкой отмечено место возникновения огня вследствие трения. БП — большой палец; УП — указательный палец; БП₁ — другой большой палец; УП₁ — другой указательный палец. Н, Н₁, Н₂, Н₃ — ногти; З — заусенец

Процесс зажигания спички обычно таков (см. рис. 4). В левую руку берут коробку (коробок), правую же рукою...»
И так далее.

2. ПОСОБИЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ УКЛОНОМ

Бывают также пособия, в которых прямой смысл сокрыт за дивными художественными образами. На первый взгляд это — не пособие, а роман, повесть, элегия, стансы. Вместо чертежей такое пособие снабжено прелестными гравюрами на дереве. Выглядит такое пособие приблизительно вот так:

«— Мой милый Сокай,— сказала юная Ляфищерсь, кутаясь в шкуру пещерного медведя,— мне что-то холодно, Сокай... Зажги-ка костер!

Наш далекий предок—доисторический человек, носивший странное для нас имя «Сокай»,—с обожанием поглядел на свою молодую жену. Утвердительно хрюкнув, он набрал сухой травы и сложил ее у большого камня, каких было особенно много в каменном веке. Затем Сокай с диким рычанием стал бить по этому камню другими камнями, ругаясь нехорошими доисторическими словами. Появились искры. Но они не доходили до сухой травы. Сокай бил трое суток кряду. Ему самому было очень жарко, пот—в те времена еще коричневатозеленый—струился по его лицу. А Ляфищерсь, жена его, в это время стучала зубами от холода. Наконец, трава загорелась.

— Сумренбум!—торжественно вскричал Сокай и обернулся к жене.

Но увы!.. Юная Ляфищерсь лежала бездыханной. Она уже окоченела: костер был зажжен слишком поздно...

Наш овдовевший предок взревел нечеловеческим голосом. Три ихтиозавра ответили ему пронзительным и насмешливым верещанием...

— Накоса, выкуси! — почудилось Сокаю в их воплях...»

«Широко раскинулись леса бывшей Псковской и Новгородской губерний. Тихо шумят великаны-деревья, задумчиво покачивая верхушками, ветками, сучками и задоринками... Но чу!.. Что это? Человеческие голоса... Трещит хворост под чьими-то шагами... шуршат отодвигаемые ветви... Слышно громкое сморкание без платка: дровосеки идут!

— Пойдет что ли-ча? — спрашивает дровосек в валенках своего товарища, обутого в лапти, и похлопывает при этом по огромной осине.

— Валяй! — отвечает тот, переобуваясь и перетягивая на ногу онучи.

Первый дровосек плюет себе на руки и, поднимая топор, говорит:

— Что таперича из этой осины спичек настрижем — страсть!

Гулко отдаются удары топора в лесной тишине. И еще гулче шмякнулась оземь столетняя великанша-осина...

— Закурим что ти-ча? — говорит

дровосек, извлекая из кармана заветный кiset с махоркой...»

«— Ваня, положи на место спички, — говорит мама. — Знаешь ли ты, как делаются спички и для чего они служат?»

— Нет, мамочка. Расскажи!!

Лицо мальчика выражает огромный интерес и нетерпение...

— Ну, слушай, — начинает мама».

Примечание. Даже подобного рода художественные пособия бывают снабжены иногда списком с указанием литературных источников в таком духе:

«СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К НАСТОЯЩЕМУ ПОСОБИЮ:

Малая советская энциклопедия. Т. VIII.
Трескуров, П. К. — Спичка-невеличка.
Толстой, А. — Князь Серебряный, роман.

Клушинг, С. — Щепной товар и спичка. Очерки.

Стриевненко. — Расписание поездов Северозападных железных дорог за 75 лет (1871—1936 годы).

Макаров, С. — Французско-русский словарь».

3. ПОСОБИЕ ОБЛЕГЧЕННОГО ТИПА

Эти пособия обычно пишутся с расчетом облегчить усвоение изложенных в пособии сведений. Соответственно строится план пособия, соответственно применяется легкий стиль изложения.

Например:

ШАШКИН, С. КАК ОРУДОВАТЬ СПИЧКОЙ? Популярное руководство в вопросах и ответах. Издание 10-е, исправленное и дополненное картами распространения капиталистических спичечных трестов Европы и Америки.

Вопрос. Зачем нам нужна спичка?

Ответ. А огонь откуда брать, если без спички? То-то и оно!

Вопрос. Всякая ли спичка может дать огонь?

Ответ. От сырой спички дождешься огня как от козла молока.

Вопрос. Разве?

Ответ. Факт!

Вопрос. Можно ли обжечься спичкой?

Ответ. А как же!

Вопрос. А пожар можно сделать?

Ответ. Ого-го-го!

Вопрос. Значит, спичка может погубить целый дом?

Ответ. А ты как думаешь?! Со спичками, брат, надо обращаться осторожно!..»

И так далее.

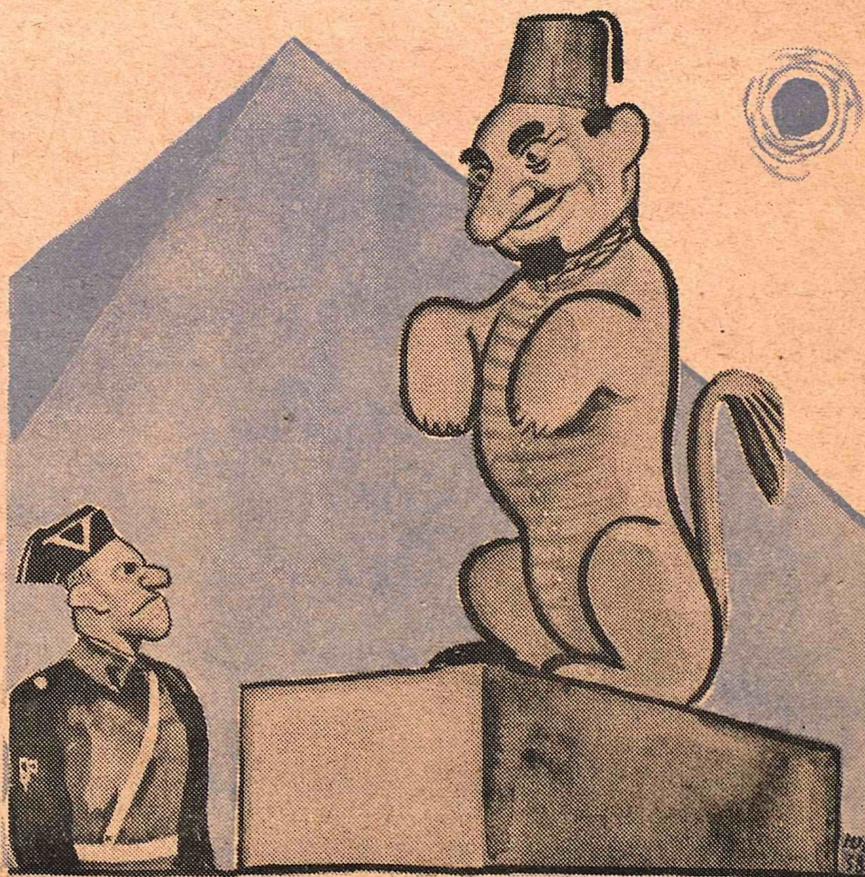
В. АРДОВ

СФИНКСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

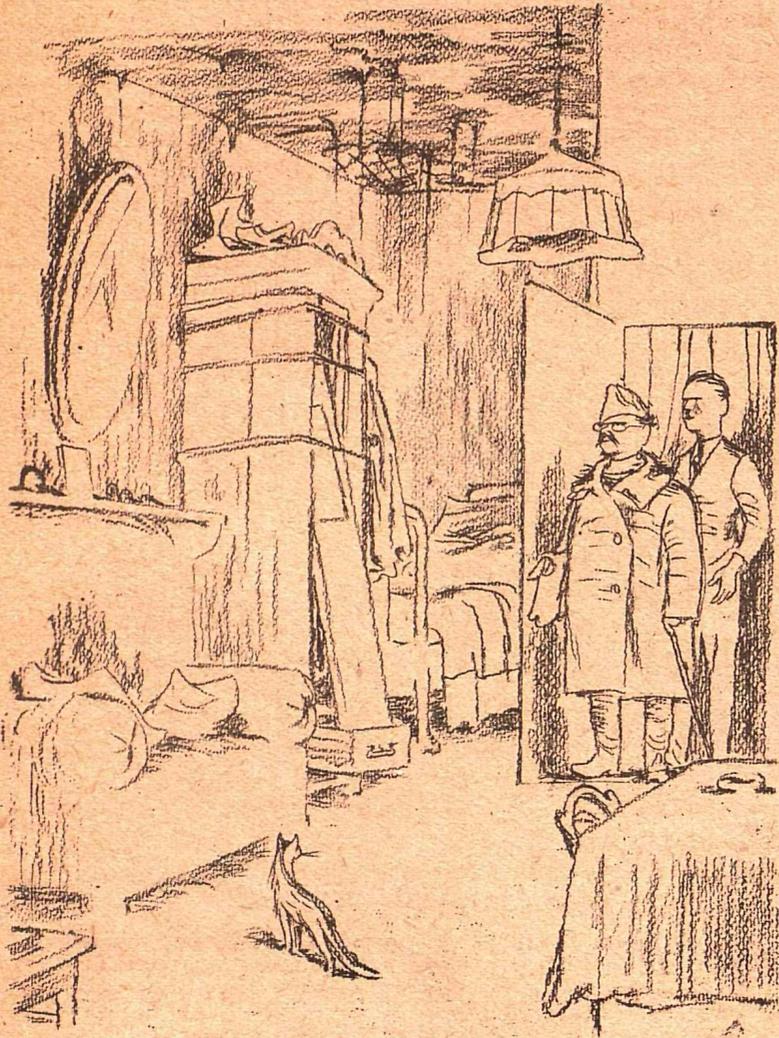
Рис. Ю. Ганфа

Египетский сфинкс с англичанином...

С итальянцем.

— Видите, товарищ управдом, с потолка течет... Диван уже слинял, этажерка покоробилась, шкаф расклеился!..

— Действительно, чорт знает что такое! Немедленно подавайте в суд на мебельный магазин...

Т Е Л Е Ф О Н

У дверей кабинета директора тов. Кадкина ждали люди. Судя по горькому выражению обреченности на их лицах, они сидели долго и долго еще намеревались просидеть. Под калошами у них натаяли лужицы, шапки лежали кучей на подоконнике. В углу за письменным столом тосковала секретарша.

— Не понимаю! — сердито сказал рыжеватый молодой человек, сидевший первым у директорских дверей. — О чем это можно судачить целый час! Кто у него там?

— Толстый в кожаном, — сказал деловитый старичок с портфелем, второй в очереди.

Рыжеватый нетерпеливо пожал плечом:

— По-моему, пришел, договорился — и до свиданья. Я, например, в два счета обернусь.

В это время из кабинета вышел полный гражданин в кожаном пальто.

— Наговорились, как меду напились? — ядовито спросил старичок.

Толстый ничего не ответил, а уходя не то чтобы сильно хлопнул, но достаточно выразительно закрыл за собой дверь.

В кабинете, куда вошел рыжеватый молодой человек, сидел директор Кадкин и копошился обеими руками в бумажках, разложенных на столе. Телефонная трубка была зажата у него

между плечом и щекой, что совсем уж не так просто, как может показаться с первого взгляда.

— Здравствуйте, — сказал рыжеватый, подходя к столу.

Директор Кадкин, продолжая рыться в бумажках, произнес нечленораздельное нето «угу», нето «м-мму», холодно посмотрел на рыжеватого, нервно вздернул бровью и тут же с изысканной вежливостью обратился к телефонной трубке:

— Я вас слушаю. Безусловно... Непременно отпустим. За наличные? Как вам будет удобнее. Наш адрес... Знаете? Ну, я все-таки напомню. Не надо?.. Как хотите, а то, пожалуйста. Можете позвонить предварительно. Всегда рад...

— Мне только пару слов, — сказал рыжеватый. — Я приехал от...

— Одну минуту, — строго нахмурился директор Кадкин и прикрыл ладонью трубку. — Такта ни на грош! — прорычал он в сторону рыжеватого. — Кажется, видите, ведь я не танцую! Алло... Из-за вас разговор прервали. Что у вас там?

— Мне нужно... — начал рыжеватый.

Снова зазвонил телефон.

— Да! Я Кадкин, — сладко сказал директор. — Это не Дермантинсбыт. Нет, нет, абсолютно. Дермантин рядом. Одну минуту, я вам сейчас скажу номер. Вы слушаете? Алло! Положил трубку, невежа! А еще требуют какой-то отзывчивости.

— Отпустите нам... — начал рыжеватый.

Его снова прервал звонок. Директор взял трубку.

— Вас слушают. Директор Кадкин. Что? Неслышно? Непонятно? А кажется так просто — ди-рек-тор. По буквам. Извольте, можно по буквам. Демосфен... не ясно? Диоген. Какой? Ну, еще который в бочке. Освоили? Дальше: Икар... Иначе? Можно иначе — ишиас... Что? Я невиноват, что мне все культурные названия в голову лезут. Повышайте уровень, тогда и вам будет понятно. Дальше: Рио-де-Жанейро. Не Ж — Женя, а Р — Рио. Рио-де-Жанейро. Где это? Сейчас скажу. — Он прикрыл ладонью трубку и обратился к рыжеватому: — Где это Рио, не помните?

— Там где-то, — неопределенно махнул в окно рыжеватый.

— Алло! Совсем не интересует! Что? Кирпич вас интересует? Сделайте одолжение. В любое время. Да. В любом количестве. Да...

Внезапно счастливая улыбка озарила мрачное лицо рыжеватого молодого человека. Именно так улыбался Колумб, открыв Америку. Он сорвался с места и стремительно вышел из кабинета.

— Это называется в два счета! — упрекнул деловитый старичок и в свою очередь нырнул в кабинет.

Рыжеватый решительно подошел к секретаршину столу и взялся за телефон.

— Скажите мне директорский номер.

— Удивляюсь, — тоскливо и совсем не удивленно сказала секретарша. — Говорили, говорили, и еще чего-то надо.

— А вам жалко, — огрызнулся рыжеватый. — Может, я с ним попрощаться забыл.

— Подумаешь! Восемь двадцать один ноль три.

Он уселся на стул, удобно разложил на столе локти и набрал номер.

— Алло! Товарищ Кадкин? Здравствуйте, товарищ директор. С вами говорит представитель артели «Свой труд». Свой... да... безусловно, свой. И я тоже очень рад... Очень... Нам бы строительных материалов... Очень благодарен. Доставка? Чувствительно признателен, доставим сами. Не беспокойтесь... Спасибо. В любое время? Ну-ну... Всего! И вам всего доброго. Пока! — Он повесил трубку, хитро подмигнул на дверь и, приветливо помахав ожидавшим своей очереди, вышел из комнаты.

Сидевшие в очереди переглянулись и стали один за другим подходить к телефону. Очередь убывала на глазах тоскующей секретарши.

Последний посетитель кончал договариваться, когда из кабинета выскочил деловитый старичок. У него нервно подергивался седой ус и щеки пошли красными пятнами, а директор Кадкин, прикрыв трубку ладонью, грозно кричал ему вслед:

— Кажется, что я не танцую! Лезут с разговорами, только от дела отрывают.

В. КАРБОВСКАЯ

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

Эта удивительная история произошла в декабре минувшего года. На заводе огнеупоров № 2 имени Артема, в Часов-Яре (Донецкой обл.), по его специальному требованию, прикатила цистерна с мясью (черной патокой).

— Вот и чудесно,— сказал заведующий отделом снабжения завода тов. Шалашный.— Очаровательно. Караул! Нам же ее сливать некуда! В ней же 43 тонны, а у нас тары только на 10 тонн!

Думали-думали и придумали. Заплатили за простой и за переадресовку цистерны около полутора тысяч рублей и погнали на Пантелеймоновский динасовый завод огнеупорного кирпича.

— Чудесно,— сказали на Пантелеймоновском заводе.— Ах! Нам же ее сливать некуда!

Заплатили за переадресовку около полутора тысяч рублей, и цистерна № 292536 помчалась в Часов-Яр, на завод огнеупоров имени Орджоникидзе.

— Ой,— сказал коммерческий директор завода Горховер.— Нам же ее сливать некуда! Знаете что? Давайте-ка, пошлем эту цистерну на станцию... как, бишь, ее... Ну да, станция Остолоповка.

Искали работники транепортного цеха, искали—нет в справочниках станции Остолоповка. Погрустил Горховер несколько дней, вынул из заводского кармана 1800 рублей за простой, переадресовку и перевозку цистерны и сплавил ее на станцию Торопиловка, в адрес несуществующего Иванковского спиртзавода. Там она и стоит по сей

день — 25 декабря, когда пишутся эти строки.

Надеемся, что прокуратуре не придется долго искать адреса уроженцев несуществующей станции Остолоповка. В нашем письме они имеются все от первого до последнего.

П. ШУЛЬЖЕНКО,
О. ВОЙНОВИЧ

Станция Часов-Яр, Донбасс.

Дорогой Крокодил!

В военном кабинете Ташкентского строительного техникума Томской железной дороги долгое время не было ни одного портрета наших вождей, что вызывало справедливые нарекания со стороны студентов. Представьте себе нашу радость, когда мы, наконец, войдя как-то наднях в этот кабинет, увидели на стене вновь повешенный пор-

трет. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что это военный руководитель техника Куковьякин почел за благо повесить свой собственный, куковьякинский портрет. Растроганные этой простодушной тягой нашего военрука к славе и всячески поддерживая его в этом деле, сообщаем тебе, дорогой Крокодил, об этом факте для вящего прославления Куковьякина на страницах Крокодила. Пусть все твои читатели знают, какой наш Куковьякин умный и скромный.

Студенты Ташкентского строительного техникума Томской железной дороги
ДАНЕЛЬЯН А.,
СТАТИВКИН В.,
КУПРИЯНОВ Д.,
КОРКИШКО,
КОЛЕСНИКОВ П.,
АЛИЕВ Р.,
БОДРУГ К.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ПЕРЕПИСЬ СКОТА

Послало Управление народнохозяйственного учета Чувашской АССР в газету «Красная Чувашия» статью (а не объявление) о всесоюзной переписи скота и получило на другой же день неожиданный ответ:

«Стоимость публикации вашего объявления о всесоюзной переписи скота выражается: за 1 раз—по 116 рублей, за 2 раза—по 203 рубля, за 3 раза—по 261 рублю в каждой газете отдельно. Без оплаты стоимости объявления не публикуется».

Надеемся, что в Управлении народнохозяйственного учета сидят люди немстительные и при переписи скота не забудут заглянуть и в редакцию «Красной Чувашии».

НЕСЧАСТЬЕ БЫТЬ ХОЛОСТЫМ!

Каждый бюрократ имеет свою фантазию. Заведующий кадрами Ленинградского областного парикмахерского союза Петров не любит холостяков. Прислал к нему как-то Леноблпромсовет товарища для использования его в качестве директора дома отдыха и получил ответ следующего содержания:

«Ввиду того, что на должность заведующего домом отдыха необходимо послать семейного человека, а тов. Щербаков холост—потому его использовать на работе не можем.

Петров»

Мы никогда не разделяли свои симпатии по принципу семейного состояния того или иного гражданина. Но на сей раз искренно сочувствуем семье Петрова, если у него таковая имеется. Очень грустно, наверное, находиться на иждивении человека, постоянно рискующего быть уволенным с работы за свое помпадурство.

АВТОР ПУШКИНА

Кто автор XIII тома академического издания сочинений Александра Сергеевича Пушкина? Неоценимую помощь в выяснении этого наболевшего вопроса нам оказывает пушкиновед Д. Д. Благой, парадоксальный труд которого, проливающий свет на эту загадочную проблему, мы с удовольствием публикуем на наших страницах.

«Как редактор и основной автор тринадцатого тома акад. изд. сочинений Пушкина я имею получить по договору 25 экземпляров

книги. Однако, поскольку в качестве члена ред. комитета я получаю по одному тому всего издания, следовательно, 16 экземпляров, и кроме того в моем томе принимали участие еще три товарища, что составляет 19 экземпляров, прошу выдать мне остающиеся шесть экземпляров.

Д. Благой».

Как мы видим, в письме Д. Благого имеются, по крайней мере, два сенсационных, но нуждающихся в весьма тщательной проверке сообщения:

а) что основным автором XIII тома сочинений Пушкина является наш почтенный пушкинист,

б) что три товарища равны девятнадцати экземплярам книги Пушкина.

Остается только неясным один вопрос: так ли тщательно редактирует Д. Благой собрание сочинений Пушкина, как он редактирует свои письма в Издательство Академии наук? Если так же, то это очень грустно.

В МИРЕ ЦИРКОВЫХ ТРЮКОВ

Удивительная вещь: многие артисты цирка прямо-таки терпеть не могут своих собственных хороших, русских фамилий. Еще готовят такие чудачки свой первый «коронный» номер, еще впереди у них первый дебют, а они уже сидят с приятелями и ломают голову над мучительной проблемой:

— Какой бы нам, братцы, псевдоним себе учудить позакорырее да поиностранный? Что-нибудь вроде «3 Хапен Гевезен 3» или «Трио Болваниолли»...

Так рождаются на свет музыкальные цирковые имена, которые, по мнению носителей этих имен, должны заранее обеспечить им шумный успех у публики. Но некоторые, как мы видим, идут еще дальше. Тов. Л. Брандт из Витебска любезно прислал нам программу местного госцирка. И там, среди различных Гримми, Эльмины и тому подобных Эйженов, мы узрели два таких перла:

Марат — художественные акробаты.

Руссо — дрессированные лошади.

Недурное применение для имен великих исторических деятелей, неправда ли?

Как говорят: лиха беда начало. Того и гляди, в очередной программе витебского или какого-нибудь другого цирка мы увидим новые «номера»:

«Бетховен — танец на проволоке. У ковра Чарльз Дарвин».

При такой «бдительности» главного управления госцирков и некоторых горлитов почтеннейшая публика может ожидать всего. И даже того, чего она вовсе не ожидает.

Редакция: МНХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 78

Сдача текста и рисунков 7/1—38 г.

Подп. к печати 15/1—38 г. Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—10455. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 34. Тираж 275 000 экз.

50

М426

ПРОГУЛКА В ЛЮБЛЕННЫХ

ИЛИ

МАИТ. ЭКСПОНАТЫ
 21 ЯНВ 1938
 ВСЕС. НИ. ПЕДА. УЧЕНЫ

ЛЫЖНИ, УСЕЯННЫЕ ЦВЕТАМИ